

О. П. Аксенова (*Кудымкар*)

Освоение коми-пермяцких топонимов русским языком

В древности Прикамье было полностью заселено пермянами. Еще в XI в. они занимали обширную территорию, называвшуюся Пермь Великая. Таким образом, значительная часть топонимии была создана древними коми-пермяками. В связи с массовым переселением русских крестьян на Север начинается процесс ассимиляции коми населения Прикамья. Это явление в особенно-

сти усилилось во второй половине XV в., когда земли Перми Великой были окончательно присоединены к Русскому централизованному государству.

Освоение Северного и Среднего Прикамья шло одновременно. Согласно письменным источникам, заселение края началось с Верхнего Прикамья — низовьев Колвы и Вишеры. Отсюда колонизация шла на юг. Север — Чердынская земля — заселялся русскими уже в XV—XVI веках. Колонизация Среднего Прикамья, бассейна рек Чусовой и Сылвы интенсивно проходила в XVII в. В ней принимали участие носители разных говоров России с севера, центра, а также русские Северного Прикамья. Основную часть русских переселенцев составляли выходцы из северных и приморских городов: Белоозера, Великого Устюга, Вологды, Каргополя, Сольвычегодска, Тотьмы, Холмогор. Большинство пришельцев оседало в Верхнем Прикамье, меньшая часть (выходцы из центральных областей и Поволжья) — главным образом, в Среднем и Нижнем Прикамье. Место прежнего жительства достаточно полно отражено в фамилиях: Вагин, Ветлугин, Вылегжанин, Вычужанин, Володин, Вологжанин, Вычегдин, Галичанин, Двиненинов, Казанцев, Кобрин, Колмогоров, Колмогорцев, Каргопольцев, Лалетин, Москалев, Немтин, Нижегородцев, Помогцев, Пинягин, Пинежанин, Подвинцев, Тверитинов, Тотьмянин, Сысолетин, Углицкий, Устюгов, Устюжанцев, Южанин, Южанинов и другие [Кривошекова-Гантман 1983а: 40–41].

В тот период, примерно до XVII века, диалекты коми-пермяцкого языка активно взаимодействовали с севернорусскими говорами, что отразилось в фонетике и лексике обоих языков. Временем начала русских заимствований в коми языке считается XI век [Лыткин 1953: 65]. Основная же масса их проникла в эти языки после принятия христианства (с XIV в.), когда началось интенсивное заселение русскими Коми земли. Тогда же коми-пермяцкая топонимия начала осваиваться русским языком. В некоторых районах шел активный процесс ассимиляции. Данный процесс еще в середине XIX в. закончился на территории современных Березовского, Верещагинского, Ильинского, Кизеловского, Пермского, Соликамского, Чердынского и других районов. К 1917 году, к периоду Великой Октябрьской социалистической революции, коми-пермяки размещались по правобережью Камы, в бассейнах Косы, Иньвы и их притоков Велвы, Кувы, Лопвы, Сыл-

вы и др., и свой язык сохранили только иньвенские и косинско-камские пермяки.

В 1925 году, когда постановлением Президиума ВЦИК был образован Коми-Пермяцкий автономный округ с центром Кудымкар, создались благоприятные условия для развития коми-пермяцкого литературного языка.

В обрусевших районах коми-пермяцкий язык не исчез бесследно. Он оставил значительный слой субстрата в местных русских говорах, в системе географических названий Прикамья. Русско-коми языковые отношения в топонимии отражаются в трудах В. А. Оборина [1968: 63–79], А. С. Кривошековой-Гантман [1966: 87–105], А. И. Туркина [1972а: 62–76; 1988а: 283–291; 1989а: 270–291].

Проанализировав все полные тексты писцовых книг почти на всей территории Перми Великой, В. А. Оборин приходит к выводу, что большая часть естественно-географических объектов к этому периоду была уже названа. Об этом, в частности, говорят и следующие факты. На карте Пермской области 1956 года в пределах Чердынского и Ныробского районов зафиксировано 80 гидронимов, из них с исконно русскими корнями и суффиксами только девять: Березовка (два), Березовая, Еловка, Жерновка, Кременная, Ларевка, Ольковка, Рассоха. Все остальные относятся к дорусским пластам, в их числе восемь имеют морфологические признаки русского языка: Вишерка, Вижаиха, Луневка, Лызовка, Тумская, Чепец, Чишева, Уролка. Остальные и теперь полностью не адаптированы русским языком. В них выступают фонетические и морфологические особенности языка-источника: Джурич, Толыч, Супыч, Ялпач, Люпя, Сурья, Пож, Уч, Неч, Интым, Тимшер, Нюзим, Колва, Еньва, Вижай, Кумай, Немыд, Солмен, Няризь, Байдач, Бубыл, Пыдол.

На менее подробной карте Пермской области 1966 года на этой же территории всего десять гидронимов, из них девять относятся к дорусскому фонду: Колна, Кельтма, Пильва, Лопья, Вишерка, Тимшер, Сумыч, Немыд, Вижай. Один гидроним (Березовая) принадлежит русскому языку.

Таким образом, к приходу русских крупные географические объекты в основном уже имели названия, поскольку бассейны больших рек заселялись раньше, а далее в поисках незанятых земель люди осваивали и бассейны малых рек. Со сменой же населения названия крупных объектов меняются редко.

Взаимодействие коми-пермяцкого и русского языков в сфере топонимии имеет свои особенности. Как известно, коми-пермяцкий язык относится к числу агглютинативных, для которых характерно механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым корням и основам. Эти особенности отчетливо прослеживаются в образовании и употреблении топонимов: корни топонимов неизменяемы, компоненты составных названий присоединяются друг к другу посредством чистой агглютинации, топонимические средства однозначны и стандартны. Если агглютинативный строй способствует сохранению звукового облика имен-формантов в живом языке, то на обрусевшей территории топонимия коми-пермяцкого происхождения втягивается в систему флективной топонимии русского языка, претерпевая фонетические изменения позиционного и комбинаторного характера. Коми-пермяцкие топонимы в русском языке воспринимаются как отличительные монолитные знаки однородных объектов, они лишены внутренней формы и в результате этого в большей степени подверглись фонетической, морфологической и семантической адаптации.

А. И. Туркин [1989а: 275] приводит несколько общих положений о степени адаптации иноязычных топонимов в чужой языковой среде в зависимости от условий освоения: а) времени заимствования; б) частоты употребления; в) степени близости взаимодействующих языков.

Коми-пермяцкий и русский языки несколько отличаются по звуковому и грамматическому строю, поэтому значительное количество коми-пермяцких топонимов подверглось соответствующей языковой обработке.

Фонетическая адаптация

коми-пермяцких топонимов русским языком подчинена исторически сложившейся системе звуковых соответствий двух языков. Благодаря сходству фонетических систем коми-пермяцкого и русского языков в большинстве случаев коми звуки передаются на письме буквами, обозначающими более или менее сходные звуки русского языка. Звуковая система коми-пермяцкого языка характеризуется и рядом особенностей, которые получают соответствующее отражение как в устном произношении, так и в письменной речи носителей русского языка. Остановимся на некоторых фонетических соответствиях коми-пермяцкого и русско-

го языков в сфере топонимии. Сведения о фонетической системе коми-пермяцкого языка приводятся с ориентацией на “Коми-пермяцкий язык” [Кудымкар, 1962 / Под редакцией и при соавторстве профессора В. И. Лыткина].

Адаптация гласных. В коми-пермяцком языке гласные не противопоставляются по долготе и краткости. В акустическом отношении они в основном совпадают с соответствующими гласными русского языка, поэтому при освоении коми-пермяцких названий русскими различия в их произношении минимальны.

В коми-пермяцком языке имеется особый гласный *ö* (*e*) – неогубленный среднего подъема среднего ряда. В акустическом отношении гласный *ö* по своему качеству напоминает звук русского языка в московском произношении, встречающийся в первом слоге после ударения и обозначаемый в орфографии буквами *о*, *а*, *ы*: город, выпал, вымыт, или же английский *э*: например, в слове *girl* [*gə:l*] ‘девушка’.

В количественном отношении гласный *ö* коми-пермяцкого языка является таким же гласным полного образования, как и все прочие гласные. Он широко распространен и встречается в самых различных положениях: в начале, в середине и конце слова, после твердых и мягких согласных. При передаче *ö* в топонимах коми-пермяцкого происхождения средствами русского языка используются буквы *о*, *э* (*e*), *а*.

Передача *ö* с помощью *о* в начале и первом слоге слова: р. Кодз (< Кӧдз), ср. *кӧдз* ‘гравий, мелкая галька’, руч. Вордошор (< Вӧрдошор), ср. *вӧр* ‘лес’, *дор* ‘возле’, *шор* ‘ручей’ – ‘ручей возле леса’, д. Лопвадор < Лӧпвадор, ср. *лӧпва* – гидроним, *дор* ‘возле’ – ‘деревня возле р. Лопва’, р. Кочкар (< Кӧчкар), ср. *кӧч* ‘заяц’ и *кар* ‘городище’ – ‘заячье городище’, р. Полва, Пӧлва, Пӧвва, ср. *пӧл*, *пӧв* ‘половина’ и *ва* ‘река’ – ‘половина-река’; в середине и конце слова: д. Модоробова (< Мӧдӧрӧб), ср. *мӧдӧр* ‘другая сторона (например, по отношению к реке)’, *ӧб* (< ыб) ‘поле’ – ‘река, протекающая по полю, находящемуся на другой стороне реки’, руч. Симоташор (< Симӧташор), ср. *симӧта* ‘с берестой’ и *шор* ‘ручей’ – ‘ручей с берестой, берестяной ручей’, д. Буждом (< Буждӧм), ср. *буждӧм* ‘обвалившийся, осыпавшийся’, пос. Керос (< Керӧс), ср. *керӧс* ‘гора’, с. Купрос (< Купрӧс), ср. *купыра* ‘сгорбившийся, горбатый’.

Передача *ö* буквой *э* (*e*) в первом слоге и в середине слова после мягкого согласного: р. Лемва (< Лӧмвья), ср. *лӧм* ‘черему-

ха', ва, ю 'река' — 'река, протекающая по месту, поросшему черемухой', руч. Севашор (< Съовашор), ср. съова (< съола) 'рябчик' и шор 'ручей' — 'ручей, возле которой водятся рябчики', р. Челва (< Чёлва), ср. чов, чёл 'тихий, спокойный' и ва 'река' — 'тихая, спокойная река', д. Учет-Зонова (< Учот Зон), ср. учот 'малый, маленький' и зон 'сын' — 'маленький сын'.

В ударном положении *o* иногда передается как *a*: д. и р. Зарич (< Зөридз), ср. зөридз 'полевой хвощ', р. Ошмас (< Öшмас, Öшмös), ср. öшмös 'ключ, источник; колодец', д. Шарволь (< Шөрволь), ср. шөр 'средний' и вошь 'росчисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни' — 'средняя росчисть'.

Огубленный верхнего подъема заднего ряда гласный *o* в гидроформанте *шор* часто переходит в *e*, например, ручьи Кувакшер, Палашер, Почашер, Романшер, Сивашер, Тагьяшер, Тышер, Шакшер, Чанышер. А. И. Туркин [1989а: 123–124] считает, что здесь отражается так называемый слоговой сингармонизм древнерусского языка, т. е. тенденция к однородности звуков в слоге с точки зрения их более передней или более задней артикуляции. В древнерусском языке в системе гласных были представлены передний *e* и соответствующий ему задний *o* [Борковский, Кузнецов 1963: 44, 46]. Передний *e* писался после мягких шипящих. Фонема *ш* в древнерусском языке была мягкой, поэтому русские освоили *шор* в форме *шер*.

В коми-пермяцком языке весьма часто встречается неогубленный, верхнего подъема, среднего ряда гласный *ы* (*i*), который носит более задний характер, чем русский литературный звук *ы*. Коми-пермяцкий *ы* в отличие от русского *ы* употребляется в любом положении, встречается в начале слова после твердых и после мягких согласных: поле Каньяыб, ср. канья 'с кошками' и ыб 'поле' — 'поле с кошками', д. Пеклаыб, ср. Пекла — коми-пермяцкий вариант имени Феокла и ыб 'поле', 'поле Пеклы', поле Лысыб, ср. лысыб, ср. лыс, лыско — коми-пермяцкий антропоним и ыб 'поле' — 'поле Лыско', Учот ыб, ср. учот 'малый, маленький' и ыб 'поле' — 'малое поле', Ыджыт ыб, ср. ыджыт 'большой' и ыб 'поле' — 'большое поле', Кузыыб, ср. кузь 'длинный' и ыб 'поле', — 'длинное поле', Тылаыб, ср. тыла 'пожого, росчисть' и ыб 'поле' — 'выжженное поле', Ыбгорт (< Ыбгорт), ср. ыб 'поле; возвышенность' и горт 'дом, деревня' — 'деревня на возвышенности'.

В необычных для русского языка позициях, например в начале слова и перед мягкими согласными, *ы* в названиях коми

происхождения заменяется гласным *и*: *руч.* Ижит шор (< Ыджыт шор), ср. *ыджыт* 'большой' и *шор* 'ручей' – 'большой ручей', д. Мушиб (< Мушыб), ср. *мош* 'пчела' и *ыб* 'поле' – 'пчелиное поле', ср. Ошиб (< Ошыб), ср. *ош* 'медведь' и *ыб* 'поле' – 'медвежье поле', д. Тошиб (< Тошыб), ср. *тош* 'борода', перен. 'бородач' и *ыб* 'поле' – 'поле Бородача'.

В исчезнувших говорах коми-пермяцкого языка на территории Красновишерского, Ныробского, Чердынского, отчасти Соликамского районов в термине *ыб* гласный *ы* перешел в *а*, *о* и *у* в следующих названиях: д. Илаб, ср. *ил*, *ылтi* 'вдали' и *аб* (< *ыб*) 'поле' – 'поле вдали', 'дальнее поле', поле Козыраб, ср. рус. *Козырь* – антропоним со значением 'бойкий, расторопный; смелый человек' и *аб* (< *ыб*) 'поле', поле Лыаб, ср. *лы* 'кость' и *аб* (< *ыб*) 'поле' – 'поле, на котором найдены кости', д. Нылоб, ср. *ныыв* 'пихта' и *об* (< *ыб*) 'поле' – 'поле с пихтой', Ныроб, ср. *Ныр* – антропоним со значением 'нос', перен. 'упрямый, своевольный' и *об* (< *ыб*) 'поле' – 'Носова поле', ур. Лёкуб, ср. *лёк* 'плохой' и *уб* (< *ыб*) 'поле' – 'плохое поле', а также Терехаб, Тылыгоб, Чигироб, Сюгаб, первые компоненты которых сильно искажены и трудно поддаются объяснению.

В целом ряде названий, которые встречаются в памятниках русской письменности XVI–XVII вв. в термине *кар* 'городище, поселение' коми-пермяцкий неогубленный нижнего подъема среднего ряда гласный *а* русскими был воспринят как *о*: Искор, ср. *из* 'камень' и *кор* (< *кар*) 'городище, поселение' – 'каменное городище, крепость', Майкор, ср. *Май* – древнепермское имя со значением 'бобр' и *кор* (< *кар*) 'городище, поселение' – 'поселение Мая', Пыскор, ср. *пыс* 'подземный ход, пещера' и *кор* (< *кар*) 'городище, поселение' – 'поселение с подземным ходом', Мечкор, ср. *метш* 'обрыв' и *кор* (< *кар*) 'городище, поселение' – 'городище у обрыва', Вымкор – поселение названо по пришельцам с реки Выми, приток Вычегды [Кривошекова-Гантман, 1976а: 12–21; Оборин 1976: 22–27].

Кроме специфических звуков, в коми-пермяцком языке имеются йотированные сочетания *йи*, *йы*, *йö*, не свойственные русскому языку. Звукосочетание *йи* в начале слова обычно передается через *и*: ур. Ирдор (< Йирдор) ср. *йир* 'омут' и *дор* 'край' – 'у омута'.

Звукосочетание *йы* также передается буквой *и*: р. Вежайив (< Вежаййив) ср. *вежай* от < *вежаю* 'святая, священная река',

р. Чейил (< Чёййыл), ср. чёй, чой 'гора, скат' и йыл 'вершина' – 'вершина горы, ската', д. Шорил, Шорив (< Шорйыв), ср. шор 'ручей' и йыв 'исток, верховье' – 'исток ручья', д. Кырив (< Кырйив), ср. кыр 'гора' и йыв 'вершина' – 'вершина горы'.

Звукосочетание йё на письме обычно обозначается буквой ё, в заударном положении – нередко е: р. Ёгва (< Ёёг), ср. йёг 'наrost на березе; шишка, волдырь', р. Доег (< Дёйёг), ср. дёй 'наrost; холм', р. Косьем (< Кёсйём), ср. кёсйём 'обещанный'.

Адаптация согласных. Большинство коми-пермяцких согласных акустически близки русским согласным, поэтому при заимствовании коми-пермяцких названий русским языком они остаются неизменными. В фонемном составе коми-пермяцкого языка имеются аффрикаты ч (*t's*'), тш (*tʃ*'), унаследованные от финно-угорского языка-основы, а также производные от них (озвонченные) дз (*d'z*) и дж (*dʒ*). Пятая аффриката ц заимствована из русского языка и в топонимах коми-пермяцкого происхождения не встречается.

Глухая, шумная аффриката ч в коми-пермяцком языке мало отличается от соответствующего русского звука: она передне-среднеязычная, палатальная, а не переднеязычная, как в русском языке, поэтому коми-пермяцкий ч во всех положениях передается русским ч: р. Чеж (< Чёж), ср. чёж 'дикая утка', руч. Чаньшер (< Чаньшор), ср. чань 'жеребенок' и шор 'ручей' – 'жеребчатый ручей', ур. Чудкерос (< Чудкерёс), ср. чуд 'чудь' и керёс 'гора, возвышенность' – 'чудская возвышенность', ур. Карчой (< Карчой), ср. кар 'город, городище' и чой 'гора, горка' – 'горка с городищем', р. Вадчер (< Вадчер), Ватчер, ср. вад 'непроточное лесное озеро с топкими берегами' и чер 'приток' – 'протока, вытекающая из озера с заболоченными берегами' – 'приток, берущий начало из озера с топкими берегами', д. Кватъчуни (< Кватъчунь), ср. кватъ 'шесть' и чунь 'палец' – 'шесть пальцев, шестипалый', с. Кочево (< Кёч), ср. кёч 'заяц', р. Лочь (< Лёч), ср. лёч 'силки, петли для лесной дичи и зверей', часть д. Роч (< Роч), ср. роч 'русский'.

Аффриката тш является переднеязычной глухой шумной и произносится как русское диалектное твердое ч. В русском языке аффриката тш обычно переходит в ч или ш: руч. Кашашор (< Катшашор), ср. катша 'сорока' и шор 'ручей' – 'сорочий ручей', р. Куч (< Кутш), ср. кутш 'орел', руч. Почашор (< Потшашор), ср. потша 'с жердью' и шор 'ручей' – 'огороженный ручей', р. Шаква (< Тшаква), ср. тшак 'гриб', и ва 'река' – 'река, проте-

кающая по грибным местам', д. Чинагорт (< Тшынагорт), ср. *тшына* 'с дымом' и *горт* 'свой дом; родина; деревня' — 'дымная деревня', д. Шамья (< Тшамья), ср. *тшамья* 'кладовая на высоких стойках при охотничьих избушках', д. Чакилева (< Тшакылеви-чи), ср. *тшакыль* 'клубок', перен. 'коротыш, толстяк'.

Аффриката *дз* является передне-среднеязычно-палатальной звонкой шумной и напоминает белорусскую *дз* (*дзень* 'день'), хотя более шепелява. В русском языке в официальных источни-ках она обычно передается с помощью *дз*, *з*, *зь*, *ч* или *ц*: поле Адзиб (< Адзыб), ср. *адз* 'глинистая наносная земля в пойме ре-ки' и *ыб* 'поле' — 'поле на глинистой наносной земле в пойме ре-ки', р. Кодз (< Кёдз), ср. *кёдз* 'гравий, мелкая галька', ур. Дзиб-дор (< Дзибдор), ср. *дзиб* 'возвышенность в дремучем лесу; гус-той, глухой лес; поле, распаханное на месте леса' и *дор* 'край' — 'край густого леса, поля возле возвышенности в лесу', ур. Дзо-дзогулиг (< Дзодзогулиг), ср. *дзодзог* 'гусь, гусиный' и *кулиг* 'кулига' — 'гусиная кулига', ур. Видзувт (< Видзувт), ср. *видз* 'луг, покос, пожня' и *увт* 'низ, нижняя часть чего-л.' — 'низ луга', д. Зиткай (< Дзиткай), ср. *дзиткай* 'большая синица', руч. Зюль-ганшор (< Дзюльганшор), ср. *дзюльган* 'журчащий' и *шор* 'ручей' — 'журчащий ручей', р. Визай (< Видзай), ср. *видз* 'луг, покос, пожня' и *ю* 'река' — 'луговая река', р. Няризь (< Няридз), ср. *няр-видз* 'волокуша', Кизьва (< Кыдзва), ср. *кыдз* 'береза' и *ва* 'река' — 'березовая река', р. Ульвич (< Ульвидз), ср. *уль* 'сырой' и *видз* 'луг, покос, пожня' — 'сырой луг', р. Тульвич (< Тульвидз), ср. *туль* 'бекас' и *видз* 'луг, покос, пожня' — 'луг, где водится бекас', д. Цыбьян (< Дзибьяин), ср. *дзибьяин* 'глухой лес'.

Аффриката *дж* является переднеязычной звонкой шумной и произносится несколько тверже английской, например, в словах *page* [peidʒ] 'страница'. В русском языке она передается сочетани-ем *дж* и фрикативным *ж* во всех положениях: ур. Джуджытьяг (< Джуджыт), ср. *джуджыт* 'высокий' и *яг* 'молодой сосняк'; бор — 'высокий бор', р. Джубшор (< Джубшор), ср. *джуб* — значение за-темнено, *шор* 'ручей', Жинтуй (< Джынтуй), ср. *джын* 'половина' и *туй* 'дорога' — 'половина дороги', р. Ижитшор (< Ыджытшор), ср. *ыджыт* 'большой' и *шор* 'ручей' — 'большой ручей', д. Виже-лова (< Виджöv), ср. кз. *виджада* 'наискось, наискосок срезанный'.

Коми-пермяцкий шумный глухой передне-среднеязычный палатальный *с'* носит шепелявый характер при сравнении с соот-ветствующим звуком русского языка. Предки коми-пермяков

звук *с'* произносили очень шепеляво. Коми-пермяцкий *с'* в адаптированных гидронимах передается русским *ш*, например, Вишера (< Висьёр) 'река, вдоль которой имеются источники железа, металла', Кишертъ (< Кисьёрт) 'каменистая долина реки с густым еловым лесом'.

Изучение звукосоответствий двух взаимодействующих неродственных языков на различных уровнях служит, помимо теоретических, чисто практическим целям – установлению правильного произношения и написания коми-пермяцких географических названий на коми-пермяцком и русском языках.

Морфологическая адаптация

Иноязычные топонимы часто подвергаются и морфологическому освоению, при этом утрачивая грамматические признаки языка-источника и приобретая категории и средства заимствующего языка. А. П. Дульзон [1959: 37] топоним считает русским по употреблению, если он обладает всеми грамматическими признаками, присущими существительному в русском языке. Морфологическая адаптация не может не отражать закономерностей усвоения: иноязычные факты, не соответствующие лексико-грамматическим категориям языка адаптации, вводятся в его систему, в определенные лексико-грамматические разряды слов. Коми-пермяцкие топонимы, получившие русские суффиксы, входят в систему словообразования русского языка. Такие топонимы можно считать коми-пермяцкими лишь по происхождению корня.

Известно, что в финно-угорских языках нет категории грамматического рода. Морфологическое освоение названий русским языком начинается с подведения их под эту категорию и определяется двумя основными факторами: а) окончанием слова в языке-источнике и б) влиянием наиболее характерных моделей словообразования и словоизменения русского языка. Топонимы на согласные звуки воспринимаются в русском языке как слова мужского рода, а названия, имеющие в языке-источнике окончания *-а*, *-я*, регулярно переходят в женский род.

Остановимся на фонетико-морфологической перестройке абсолютного слова в заимствованных топонимах. Широкое распространение окончания *-а* в русской гидронимии субстратного происхождения бесспорно объясняется влиянием лексико-морфологической модели 'вода, река' и объективными закономерностями фонетико-морфологического усвоения конца слова в русском языке.

Коми-пермяцкие названия, имеющие в абсолютном конце *-а, -я*, в русском языке воспринимаются исключительно как слова женского рода на *-а, -я*: р. Айва 'отец — река', Аньва 'свекровь — река', Вильва 'новая река', Кыдзва 'березовая река', Койва 'птичья (пеночка) река', Лемва 'черемуховая река', Нылва 'дочь — река', Мойва 'бобровая река', Низьва 'соболиная река', Ния 'лиственница', Сардья 'своенравная (с норовом, причудами) река', Турунья 'низинный луг с хорошим травостоем', д. Тыла 'подсека, росчисть, выжженное место в лесу, гарь', д. Юньга 'выюн', р. Юсьва 'лебединая река'.

Коми-пермяцкие названия, имеющие в абсолютном конце слова гласный *-ю (-у)* в русском языке иногда принимают женский род с окончанием *-я*. Так, вместо официальных *Кузья, Пышья* иньвенские пермяки говорят *Куз'з'у*, ср. *кузь* 'длинный' и *-у, -ю* 'река'; *Пышшу*, ср. *пыш* 'конопля'. Обрусевшие пермяки Юрлинского района приток р. Лопан-Пышья также называют *Пышшу*. В северных районах Коми-пермяцкого автономного округа представители старшего поколения вместо официальных названий *Верья, Шудья, Урья* произносят *Вөрйу*, ср. *вөр* 'лес', *Шуд'д'у*, ср. *шуд* 'счастье' и *Урйу*, ср. *ур* 'белка' [Кривошекова-Гантман 1966а: 100–101]. Приведенные примеры указывают на адаптацию русским языком исконно коми-пермяцких названий на *-ю*.

Однако некоторые коми-пермяцкие наименования, оканчивающиеся на согласный, приобретают в русском языке окончание женского рода на *-а*: р. и д. Коса (< *Кӧс*), ср. *кӧс* 'сухой'; Куча (< *Кутш*), ср. *кутш* 'орел'.

Наиболее распространенным способом морфологического освоения коми-пермяцких топонимов является аффиксация, когда заимствованный топоним оформляется русским словообразовательным аффиксом. К коми-пермяцким гидронимам наиболее часто присоединяется русский аффикс-формант *-ка*. Одна из важнейших функций форманта *-ка* в гидронимии — это русификация нерусского названия. Одновременно с русификацией формант *-ка* подводит гидроним под определенную категорию рода (женский род). Обычно формант *-ка* содержит названия небольших рек: Буждомка (< *Буждӧм*), ср. *буждӧм* 'обвалившийся, осыпавшийся', Бадьяшерка (< *Бадьяшор*), ср. *бадья* 'с ивой' и *шор* 'ручей' — 'ручей с ивой', Васташорка (< *Васташор*), ср. *васта* (*ласта*) 'низинный луг' и *шор* 'ручей' — 'ручей, текущий по низинному лугу', Вежайка, Вижайка (< *Вежай, Вижай*), ср. *вежа* 'свя-

той' — 'священная река', Григошорка (< Григошор), ср. *Григо* 'Григорий' и *шор* 'ручей' — 'ручей Григория', Изъящерка (< Изъяшор), ср. *изъя* 'каменистый' и *шор* 'ручей' — 'каменистый ручей', Силайка (< Силай), ср. *сила* 'колода в лесу' — 'река с колодой', Зынайка (< Зынай), ср. *зына* 'с дурным запахом, вонью (о затхлой воде)', — 'река с затхлой водой', Кырылка (< Кырыл), ср. *кыр* 'гора, возвышенность' и *улт* 'подножье' — 'река, протекающая по подножью горы', Лунвывовожка (< Лунвывовож), ср. *лунвыв* 'южный', и *вож* 'приток' — 'южный приток', Ойвылвожка (< Ойвылвож), ср. *ойвыв* 'северная сторона' и *вож* 'приток' — 'приток с кедром', а также Апайка, Ашапойка, Купроска, Кырдымка, Камгортка, Напанка, Космоска, Метшкорка, Шамьюшка, Шашорка, Пыскорка, Чердынка, Кунгурка, Ныробка, Перемка.

Аффикс *-ка* может присоединяться к коми-пермяцким основам в виде осложненных вариантов *-овка*, *-евка* в соответствии с русской словообразовательной моделью типа Березовка, Осиновка, Сосновка, Язевка, характеризующейся высокой продуктивностью в Прикамье: Бурдовка, ср. *бурд-* 'исцелять', Кыновка, ср. *кын* 'мерзлый', Кыровка, ср. *кыр* 'обрыв', Лызовка, ср. *лöz* 'синий', Мошевка, Мошовка, ср. *мош* 'пчела', Кушмановка, ср. *Кушман* — прозвище со значением 'редька', перен. 'едкий, язвительный человек', Пожевка, ср. *пож* 'лукошко'.

В русских вариантах деревень часто выступают распространенные принадлежностные суффиксы *-ев(а)*, *-ов(а)*: Балякокова (< Балякок), ср. *баля* 'овца' и *кок* 'нога' — 'нога овцы' (прозвище), Гырова (< Гыр), ср. *гыр* 'ступа' (прозвище), Дасмортова (< Дасморт), ср. *дас морт* 'десять человек', Дерсканова (< Дерскан, Герскан), ср. *дерскан*, *черскан* 'коростель', Зюльганова (< Зюльган), ср. *дзульган* 'место, где журчит ручей'; 'щебетун, говорун; пастушья сумка' (раст.), Курогова (< Курög), ср. *курög* 'курица', Лячканова (< Лячкан), ср. *лячкан турун* 'смолевка-хлопушка' (о траве), Мисулева (< Мисуль), ср. *Мишуль* 'неопрятный, неряшливый' (прозвище), Мишпиянова (< Мишпиян), ср. *Миш* 'Михаил', *тиян* 'ребенок, дитя' — 'сын Миши, Михаила', Москокова (< Мöс-кок), ср. *мöс* 'корова' и *кок* 'нога' — 'коровья нога' (прозвище), Ошева (< Ош), ср. *ош* 'медведь', Порськокова (< Порськок), ср. *порсь* 'свинья' и *кок* 'нога' — 'нога свиньи' (прозвище), Пистогова (< Пистög), ср. *пыстög* 'синица', Ректанова (< Ректан), ср. *ректан* 'мотовило', Сизева (< Сизь), ср. *сизь* 'черный дятел', Урова (<

Ур), ср. *ур* 'белка', Учетзонова (< Учѳтзон), ср. *учѳт* 'младший' и *зон* 'сын' – 'младший сын', Чукылѳва (< Чукылѳ), ср. *чукылѳ* 'изгиб реки, излучина реки'.

На территории Прикамья встречаются названия, оформленные аффиксами прилагательных. К заимствованному гидрониму или ойкониму, воспринимаемому как цельная основа, присоединяется окончание полного прилагательного *-ск* (*-ий*, *-ая*, *-ое*), чаще в сочетании с показателем рода, который определяется родом географического термина, обозначающего вид объекта: д. Лекмортовская, ср. *лѳк* 'злой, сердитый' и *морт* 'человек' – 'сердитый человек', д. Ужгинская, ср. *Ужга* – родовое имя древних пермян, оз. Вымкорское, ср. *Вымкор* – городище, поселение, основанное пришельцами с бас. р. Вымѳ, пос. Вашкурский, ср. *важ* 'старый' и *кур* (< кар) 'городище, поселение' – 'старое городище'.

Единичные гидронимы с коми-пермяцкими основами на согласный звук оформляются аффиксом *-иха*. Он означает принадлежность или свойство, чаще всего отрицательное, и подводит название под женский род: р. Вежаиха, Вижаиха от Вежай, Вижай, букв. 'святая река', Карнышиха (от < Кырныш, букв.) 'ворон', Михалиха от Микаль – коми-пермяцкий вариант имени Михаил, Обросиха от Оброс – коми-пермяцкий вариант имени Абрисим.

В конце некоторых непроизводных топонимов, оканчивающихся на согласный, в письменных источниках нередко появляется *ь* как признак женского рода: рр. Губѳ (< Гоб), ср. *гоб* – общее название грибов, Кадѳ (< Кад), ср. *кад* 'болото,zybун, топь', Кучѳ (< Кутш), ср. *кутш* 'орел', Кодзѳ (< Кѳдз), ср. *кѳдз* 'гравий, мелкая галька', Лочѳ (< Лѳч), ср. *лѳч* 'силок, петля', Лысѳ (< Лыс), ср. *лыс* 'хвоя', Обѳ (< Об), ср. *об* 'сугроб', Ручѳ (< Руч), ср. *руч* 'лиса'.

Встречаются аналогичные простые гидронимы, не подвергавшиеся какому-либо морфологическому освоению: Буб, Вес, Вис, Неч, Суч, Рѳч, Чус.

Коми-пермяцкие названия обычно не приобретают категории среднего рода, что свидетельствует о непродуктивности этой категории в русском языке. Исключением являются топонимы (в основном ойконимы) на *-ев(о)*, *-ов(о)* и появление этого окончания объясняется влиянием лексико-морфологической модели 'село': сс. Базуево (< Базуй), ср. кз. *базуй* 'шатун, бродяга', Забганово (< Забган), ср. *забган* 'вздорный человек, тот, кто дерется, толкается', Куимово, ср. *куим* 'три', Кочево (< Кѳч), ср. *кѳч* 'за-

яц', Керчево, ср. *керч* 'клоповник, багульник болотный', Кичаново, ср. *кычан* 'щенок', Коково (< Кёкёв), ср. *кёк* 'кукушка', Лекмортово, ср. *лёк морт* 'сердитый, злой человек', Мизево, ср. прозвищное имя Мизя со значением 'младший ребенок в семье', Мичково, ср. древнекоми имя Мичко со значением 'красавец', Мошево, ср. *мош* 'пчела, шмель', Пармайлово (< Пармайыл), ср. *парма йыл* 'вершина пармы', Пистогово (< Пыстёг), ср. *пыстёг* 'синица', Пыдосово (< Пыдёс), ср. *пыдёс* 'дно', Пыжьяново, ср. *пыжъян* 'большое шило', Туланово, ср. *тулан* 'куница', Ужегово, ср. древнепермское имя Ужег со значением 'жеребец', Чажегово (< Чажегёв, Чёжёгёв), ср. древнепермское имя Чёжёг со значением 'дикая утка', Юкseeво (< Юксьёв), ср. древнепермское имя Юкси, Яборов, ср. *ябыр* 'скворец', Ягодино (< Ягёдин), ср. *ягёдин* 'лес с преобладанием сосны'.

Форма множественного числа от названий иноязычного происхождения могла появиться в результате сложных процессов, а также в результате аналогии: подобные топонимы в исходной форме отождествляются с существительными русского языка типа Березники, Горки, Озерки, Пески, Ручьи, т. е. с названием *Pluralia tantum* и воспринимаются как существительные именительного падежа множественного числа, поэтому изменяются подобно им, например, дд. Волеги, ср. древнепермское имя Волег со значением 'скользкий; хитрый, ловкий', Гамы, ср. *кам, гам* 'место, где токуют птицы, токовище', Гачеги, ср. *гачег* 'бобр', Кватъчуни, ср. *кватъ чунь* 'шесть пальцев, шестипалый', Гудыри, ср. *гудыр, гудыра* 'мутный', Малямышы, ср. *малямыш* 'заморыш, головастик, человек с несоразмерно большой головой', Моши, ср. *мош* 'пчела, шмель', Мысы, ср. *мыс* 'возвышенность, часто с крутыми скатами', Мукачи (< Мутшак), ср. *мутшак* 'черный груздь', Нилиги, ср. *нильыг* 'скользкий, слизкий', Они, ср. *о́нь* — 'коми-пермяцкий вариант имени Иоанникий', Сартасы, ср. *сартас* 'лучина', Сырчики, ср. *сырчик* 'трясогузка', Тупыли, ср. *тупыль* 'клубок, большой ком', Чуманы, ср. *чуман* 'берестяная коробка, лукошко'.

Включение некоторых коми-пермяцких названий в русскую топонимическую систему достигается нередко прибавлением к ним русских прилагательных: рр. Малая и Большая Вильва (ср. *виль* 'новый' и *ва* 'река'), дд. Старая Кузьва (ср. *кузь* 'длинный' и *ва* 'река'), дд. Русский Лем (ср. *льом* 'черемуха'), рр. Малая и Большая Лампа (ср. *лямпа* 'лыжа'), Большая и Сухая Мойва (ср.

мой 'бобр' и ва 'река'), Осиновая Лопва (ср. *лõп* 'низина, заваленная древесным хламом' и ва 'река'), Большой Язь (ср. *язь* 'мелкая карта'), д. Заречный Пешнигорт (ср. *октас* 'подсека'), рр. Белая и Черная Сюзьва (ср. *сюзь* 'сова, филин'), Малый и Большой Чез (ср. *чõж* 'утка').

Префиксация в сфере топонимических заимствований встречается очень редко: например, дд. Вежай и Завежай, Гижга (Гыжга) и Загижга, р. Кама и Прикамье.

Семантическая адаптация

Семантическое освоение коми-пермяцких топонимов состоит в создании семантической мотивировки их для носителей русского языка и осуществляется несколькими способами: а) ложная (народная) этимология; б) полное калькирование; в) частичное калькирование.

При ложной (народной) этимологии непонятное, немотивированное с точки зрения русского языка иноязычное географическое название, переосмысливается в понятное, наполняется новым смыслом на базе понятных слов русского языка. А. К. Матвеев [1959: 96] указывает, что семантическое освоение иноязычных слов часто связано с ложной этимологией; при этом он выделяет два типа ложной этимологии — осознаваемую и реализованную. В отличие от первой, которая "состоит в этимологическом увязывании заимствования с каким-либо словом родного языка, без изменений в звуковой форме слова", реализованная ложная этимология связана с изменением формы слова. Такую же точку зрения выражают Г. В. Глинских [1976: 30–31] и Н. К. Фролов [1986: 77].

В коми-пермяцкой топонимии встречаются случаи фонетически реализованной ложной этимологии, когда подвергается адаптации как весь топоним, так и часть его. Например, оз. Адово (< Вадты), ср. *вад* 'непроточное лесное озеро с топкими берегами' и *ты* 'озеро'. Существует широко известная легенда о водной красавице Щуке, будто бы затягивающей в пучину (в ад) молодых рыбаков. Произошло сближение коми-пермяцкого слова *вад* с русским словом *ад*.

Например, д. Золотой Мыс (< Зойта мыс, Зол мыс), ср. *зойт вõр* 'гладкоствольный лес' — 'возвышенность, покрытая гладкоствольным лесом'. Недалеко от деревни Золотой Мыс находится Буждомский заповедник — ельник. Месторождений золота здесь нет.

Руч. Изъяшер (< Изъяшор), ср. *изъя* 'каменистый' и *шор* 'ручей' — 'каменистый ручей', Косьящер (< Косьяшер), ср. *кося*

‘с порогами’ и *шор* ‘ручей’ – ‘ручей с порогами’, Тагьящер (< Тагьяшор), ср. *тагья* ‘с хмелю’ и *шор* ‘ручей’ – ‘хмелевый ручей’. В этих гидронимах гидроформант *шор* вместе с -я был переосмыслен как *ящер*.

Возв. Космос (< Кёсмыс), ср. *кёс* ‘сухой, высохший, обмелевший’ и *мыс* ‘возвышенность, холм’ – ‘сухая возвышенность, сухой холм’. Возвышенность Кёсмыс ассоциируется с русским словом *космос*. Речка, огибающая возвышенность, стала называться Космоска.

Р. Коса (< Кёсва), ср. *кёс* ‘сухой; высохший’ и *ва* ‘река’ – ‘пересохшая река’. Гидроним Кёсва был переосмыслен как *коса* с ударением на последнем слове слова.

Оз. Пернатый (< Пернаты), ср. *перна* ‘крест’ и *ты* ‘озеро’ – ‘крестообразное озеро’. В начале Пернаты было переосмыслено как краткое прилагательное, к которому затем присоединилось окончание полного прилагательного и стало ассоциироваться с русским словом *пернатый*.

Руч. Пустогагор (< Пыстёгагор), ср. *пыстёга* ‘изобилующий синицами’ и *шор* ‘ручей’ – ‘ручей, по берегам которой водится много синиц’. Немотивированное слово *пыстёг* стало ассоциироваться с понятным русским словом *пусто*, в результате чего получилась народная этимология Пустогагор.

Руч. Тшакшар (< Тшакшор), ср. *тшак* ‘гриб’ и *шор* ‘ручей’ – ‘грибной ручей’ – ‘голый, лишенный растительности ручей’. В данных гидронимах *шар* возникло из *шор* ‘ручей’.

Топонимические кальки – один из путей освоения коми-пермяцких топонимов русским языком. В процессе калькирования происходит процесс заимствования лишь образа слова, семантики, значения топонима. Особенность этого вида адаптации состоит в том, что в одних случаях мы имеем частичное калькирование, в других – полное.

Частичное (неполное) калькирование может касаться только одного компонента названия. Чаще всего переводится первая часть – определение (атрибут), вторая часть – географический термин – переводится редко. Примеры: дд. Старая Гущина – Важ Гушин, Новая Гущина – Виль Гушин, Верхняя Волпа – Вылісь Волпа, Большая Серва – Ыджыт Сер, Малая Серва – Учёт Сер, Малая Сидоровка – Учёт Сидёр, Малая Коча – Учёт Коча, Большая Коча – Ыджыт Коча, Большая Бачманова – Ыджыт Бачман,

Среднее Бачманово – Шөрёт Бачман, Большая Лемья – Ыджыт Лемья, Большая Мочга – Ыджыт Можга, Малая Мочга – Учёт Можга, Большие Они – Ыджыт Ёнь, Малые Они – Учёт Ёнь, Большая Парма – Ыджыт Парма, Большая Тукачёва – Ыджыт Тукачёв, Малая Тукачёва – Учёт Тукачёв, Новый Чигас – Виль Чигас, Старый Чигас – Важ Чигас, Верх-Иньва – Иньвайыв.

Примеры на полное калькирование: р. и ур. Чертово городище Кулькар, ср. *куль* 'черт' и *кар* 'городище', д. Мысы (< Нёрыс), ср. *нёрыс* 'возвышенность, холм', руч. Хмелевка (< Тагьяшор), ср. *тагья* 'хмелевый, с хмелем', р. Травянка (< Турунья), ср. *туруна* 'травянистый, покрытый густой травой', быв. д. Гора (Труново) (< Кырийыв), ср. *кырийыв* 'вершина горы', р. Березовка (< Кыдзва), ср. *кыдз* 'береза' и *ва* 'река', д. Заболотная (< Нюрвидз), ср. *нюр* 'болото' и *видз* 'луг, пожня', р. Выдерка (< Вурдашор), ср. *вурд* 'выдра' и *шор* 'ручей', д. Собачья или Собаника (< Кичаново), ср. *кычан* 'щенок'.

Претерпев фонетическую, морфологическую и семантическую адаптацию, коми-пермяцкие по происхождению названия органически входят в топонимическую систему русского языка. Единственными признаками, выделяющими их из исконных слов этого языка, являются семантическая немотивированность корня и отсутствие живых этимологических связей с другими словами.

Адаптированные русским языком топонимы коми-пермяцкого происхождения, закрепившиеся в русских письменных источниках, заимствуются также грамотной частью населения и, получив широкое распространение, могут вытеснить старые варианты произношения. В настоящее время только представители старшего поколения, являющиеся носителями традиционного произношения, сохраняют в своей устной речи первоначальный фонетический облик.

Освоение коми-пермяцких топонимов русским языком представляет собою сложный многосторонний процесс. Заимствованные топонимы подвергаются фонетической и морфологической переработке в соответствии с нормами и законами русского языка, а также переосмысливаются семантически; при этом имеют место калькирование и народная этимология.

Выявление звукосоответствий двух взаимодействующих неродственных коми-пермяцкого и русского языков служит, помимо теоретических, чисто практическим целям – установлению правильного произношения и написания топонима.

Библиографический список

Глинских Г. В. Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды // Вопросы ономастики. Вып. II: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976. С. 5–32.

Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4. С. 35–46.

Кривошекова-Гантман А. С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов в Прикамье // Ученые записки Пермского пед. ин-та. Вопросы русского языка и методики его преподавания. 1966. № 34. С. 87–105.

Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на -кар на материале Верхнего Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. Вып. 3. Пермь, 1976. С. 12–21.

Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем. Пермь: Кн. изд-во, 1938.

Лыткин В. И. Из истории словарного состава пермских языков // ВЯ. 1953. № 5. С. 48–69.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые записки Уральского гос. университета. Вып. 32. Свердловск, 1959.

Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI–XVII вв. // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 63–79.

Оборин В. А. Географические названия на -кар, -гор, -ыб древних памятников (ретроспективный анализ) // Лингвистическое краеведение Прикамья. Вып. 3. Пермь, 1976. С. 22–29.

Туркин А. И. Коми топонимия на территории Архангельской области: (Бассейн Нижней Вычегды) // Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР: Коми филология. № 14. Сыктывкар, 1972. С. 62–76.

Туркин А. И. Адаптация коми топонимов русским языком // СФУ. 1988. № 4. С. 283–291.

Туркин А. И. Топонимия Коми АССР (Лингвистический анализ): Дис ... докт. филол. наук. Таллин, 1989.

Фролов Н. К. Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пооя. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1986.